

Joseph Sheridan
LE FANU
1814–1873

Джозеф Шеридан
ЛЕ ФАНЮ

Дом у кладбища

Роман

Санкт-Петербург

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44
Л 53

Перевод с английского
Людмилы Бриловой (гл. I–LXXXVIII),
Сергея Сухарева (гл. LXXXIX–XCIX, стихи)

Серийное оформление Вадима Пожидаева

Оформление обложки Вадима Пожидаева-мл.

© Л. Брилова, перевод, 2003
© С. Сухарев, перевод, 2003
© Е. Зыкова, примечания, 2003
© Е. Ярцева, примечания, 2003
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“», 2017
Издательство АЗБУКА®

ISBN 978-5-389-13589-5

ГЛАВА I

Ночное посещение церкви

Однажды в начале мая, А. D.¹ 1767 (я пользуюсь, как уже говорил, письменными источниками, почему и говорю с такой уверенностью), спустилась на Чейплизод и окрестности темная-претемная ночь.

Случилось это, надо полагать, в новолуние, звезды же были скрыты влажным «одеялом ночи» — непроницаемой погребальной пеленой.

В начале вечера на небе появилась зарница, что предвещает, как известно, душную и знойную погоду. Одна за другой собрались над Дублинскими горами колонны урюмых облаков и выгнулись от горизонта до горизонта темно-серым туманным куполом. Их медленное, но неуклонное перемещение составляло контраст чудовищной неподвижности воздуха. Атмосфера давила, над городком нависла неведомая угроза, словно некие злобные силы прокладывали себе путь в самую его сердцевину под хмурым, предостерегающим взглядом небес.

Утро того же дня старая Салли, экономка приходского священника, провела в тревоге. Во сне ей пригрезилось, что она застилает громадную парадную постель с камчатым темно-зеленым пологом. Это предвещало неминуемые неприятности — не обязательно крупные (однажды в подобном случае дело ограничилось тем, что доктор Уолсингем уронил за борт парохода кошелек, содержимое которого не составляло и гинеи серебром), но не следовало зарекаться и от более серьезной беды. Что за опас-

¹ Anno Domini — в год от Рождества Христова (*лат.*).

ность сулило дурное предзнаменование — оставалось только гадать.

Тем же утром посыльный привез внушительных размеров квадратное письмо, снабженное круглой печатью размером с крону, не меньше, адресованное преподобному Хью Уолсингему, доктору богословия, дом у моста, Чейплизод. Получив письмо, достойный священнослужитель выказал явные признаки беспокойства и заставил посыльного битый час ожидать ответа; ровно в два тот же посыльный прибыл со вторым письмом, однако на этот раз адресат ограничился краткой запиской. «Вряд ли это будет понято правильно, — произнес доктор, сидя в своем кабинете над захлопнутым фолиантом и хмурия брови, — но служение Всевышнему не допускает двуличия. Пребуду ли я чистым перед Господом, если стану произносить слова упования, тогда как в моей душе нераздельно царит страх? Нет, оставлю эту миссию тому, кто способен достойно ее исполнить, сам же ограничусь тем, что буду присутствовать — раз уж это необходимо».

Да уж, ночь выдалась темная, хоть глаз выколи. А ветер, а потоки дождя! Как раз в то время доктор Уолсингем стоял под навесом на крыльце основательного кирпичного здания, построенного во времена короля Вильгельма, — именно здесь жительствова­ли в минувшем веке почтенные пастыри чейплизодского прихода. На докторе красовались просторный сюртук и накидка, гамаши на пуговицах, широкие кожаные штаны были подобраны и стянуты ремешками поверх гамаш, поля шляпы опущены и привязаны большим шелковым платком, дабы надежнее прикрыть парик и уши. Вид в целом, осмелюсь сказать, нелепый, но что поделаешь — на сей раз, как всегда бывало в ответственных случаях, над гардеробом доктора изрядно потрудились женские руки. Седовласая Салли, особа с добродушным и степенным лицом, держалась на заднем плане, в холле, а хорошенькая Лилиас, единственное дитя достойного священнослужителя, вышла на крыльцо поцеловать отца на прощанье и окончательно убедиться, что он обут и одет сообразно погоде и обстоятельствам.

Доктор с любящей улыбкой похлопал дочь по щеке, а затем оперся на руку старого Джона Трейси, дворецкого. Джон держал в руках красивый роговой фонарь, который выхватывал из темноты попеременно то придорожные кусты, то зубчатое ограждение моста, то окно, заливаемое потоками воды. Единственным, чем не запаслись путники, были зонты, в ту пору еще не существовавшие. Вскоре священник, честный Джон, всегдашний его спутник в ночных вылазках, а также «фонарь-который-носит-Джек» (согласно любимому выражению доктора) уже совершали свой извилистый путь меж бесчисленных луж. После того как они скрылись за углом, Салли и Лилиас минут пять еще стояли на крыльце с горящими свечами.

Из бокового окошка «Феникса» до путников долетал ослабленный расстоянием и шумом дождя напев дудок — достаточно мелодичный и вполне созвучный окружающей темноте и тому печальному поводу, что побудил священника совершить столь позднюю прогулку; это искусные «Олдермены Скиннерз Элли» наигрывали песенку, славящую короля. Для светского мотива она звучала чересчур торжественно и походила скорее на погребальный напев. Минуту четверть десятого, и, за исключением музыкантов, все живое вокруг уже затихло. Нынешняя ночь как нельзя более годилась бы для тайной вылазки: траурные облака, разверзшиеся хляби небесные, гулкие хлопающие звуки со всех сторон, сплошной поток под ногами, полноводные сточные канавы, на которых недоставало только мельниц; бешеные ручьи мчались вдоль улицы, не разбирая пути, огибали углы домов и попадали в замутненную, рябую от дождя Лиффи; хмурая река, вивась, устремлялась к морю, чернотой своей не отличимому от небес.

Не обнаружив на пороге ни досужего офицера, ни праздного официанта, путники миновали «Феникс». Из-под угла вывески стекал ручеек, а украшавшая ее птица в такое ненастье подумывала, должно быть, не о самосожжении, а — разнообразия ради — о самоутоплении. Все добрые люди, как военного, так и гражданского сословия, попрятались нынче по домам, одни лишь «Олдермены»,

не изменив своему обыкновению, пребывали в задней гостиной опустевшего и притихшего «Феникса». Дверь гостиной была прикрыта; тоненький лучик света, проникавший через узкую щелку, падал на грязное озеро, по которому непрерывно барабанил дождь.

Огонек докторского фонаря проскользнул мимо, пересек улицу и стал медленно перемещаться вдоль ряда неосвещенных парадных дверей в сторону такого же темного «Дома Лосося». Крутой поворот, новый отрезок пути — и впереди показались слегка приоткрытые кладбищенские ворота. Видневшаяся в глубине дверь церкви также не была затворена — из нее исходил слабый свет.

Могу себе представить, как воспрями духом церковный сторож, старый Боб Мартин, и угрюмый мистер Айронз, клерк, когда слышали бодрый голос священника, окликавшего их по именам. В церкви теперь прибавилось света, но все же трех свечей явно не хватало, чтобы рассеять неуютный сумрак, в дальних углах переходивший в полную темноту. Зикиел Айронз был худой, замкнутый на вид малый в черном парике, с отливавшим синевой подбородком и отпечатком мрачной настороженности на лице. Не завидую честному Бобу Мартину: вряд ли с этих тонких губ сорвалось хоть единое слово, способное скрасить жутковатый тет-а-тет в окружении черных окон и табличек с надгробными надписями на стенах нефа.

Священник, напротив, не расположен был молчать. Его речь — как и подобало при данных обстоятельствах, неторопливая и сдержанная — все же вселяла жизнерадостность и смогла разогнать тень дурного настроения, павшую на младших служителей церкви, пока он отсутствовал. Доктор узнал, что у миссис Айронз все так же болит зуб, зато «раздражение в желудке», слава богу, прошло. (Благо бы оно гнездилось только в желудке, но супругу миссис Айронз было известно на горьком опыте, что желудком оно не ограничивается.) Поясницу у Боба Мартина уже отпустило — «премного благодарен за внимание, ваше преподобие». Айронз, клерк, сообщил, что захватил с собой два требника. Ошибки быть не может, заверил Боб, старую

леди погребли в ближнем склепе. Да, минуло уже четыре десятка лет, но все, что тогда происходило, он помнит не хуже, чем вчерашний вечер. В склепе покойницу переложили в свинцовый гроб — сделать это пришлось ему самому вдвоем с могильщиком, а старухины слуги ни в какую не соглашались к ней прикоснуться. Саван на усопшей был из белого атласа, пальцы — сплошь в кольцах. Такова уж была ее последняя воля. Все говорили, что старуха тронулась. Ее лица он вовек не забудет: нос длинный, крючком, а глаза открыты. Это потому, что преставилась она во сне, а узнали об этом только утром, когда покойница уже успела окоченеть, — так ему сказали. Не далее как сегодня он спускался вниз, чтобы бросить взгляд на гроб, — через полчаса после разговора с его преподобием.

Священник опустил глаза на свои внушительных размеров часы. Время близилось к одиннадцати. Доктор впал в глубокую задумчивость и принялся мерно шагать взад-вперед вдоль придела, вплотную к надгробным плитам; в заложенных за спину руках он сжимал шляпу, с которой стекала вода. Его фигура то терялась во мраке, то смутно возникала снова в неярком свете фонарей. Когда физиономия достойного клирика обрисовывалась яснее, видно было, что он не поднимает глаз от надгробий, хмурится и, по своему обыкновению беззвучно шевеля губами, слегка кивает головой — словно бы считает. А в мыслях доктора в это время вертелась одна из надписей, и он все задавал себе вопрос: почему же сейчас, по прошествии двадцати одного года, должно явиться на свет свидетельство двух преступных деяний, забытых и похороненных, чего ради пробуждать ото сна рычащего пса злословия?

«А что до старого дома у Баллифермота, — подумал доктор, — то заботы о нем можно бы поручить и кому-нибудь другому. Но все же должен он где-то остановиться, а здесь, в поселке, лучше, чем в большом городе, — и спокойнее, и народ вокруг добрый, и нет любителей совать нос в чужие дела. — В последнем он ошибался, ибо, как это свойственно бесхитростным натурам, склонен был видеть в каждом безобидное и доброжелательное по-

добие самого себя. — И пробудет он здесь неделю-другую, не больше». Доктор мысленно вернулся к покойнику, затем к отдаленным последствиям его проступка — и тяжкий вздох вырвался из честной груди священника. Он замедлил шаг и возвел глаза к небесам в кроткой немой молитве. Одновременно у церковных дверей раздалось громохание колес.

ГЛАВА II

Безымянный гроб

Сопровождаемые лязгом и лошадиным фырканием, вплотную к церковному крыльцу подъехали три повозки с факелами, и почти мгновенно в дверном проеме, там, где лежало пятно света, возник высокий и очень бледный молодой человек весьма необычной наружности. Его большие глаза смотрели печально, а на красивом лице лежал отпечаток гордыни.

Джон Трейси зажег восковые свечи, а Боб Мартин установил их на выступе церковной скамьи, примыкавшей к приделу, в углубления по обе стороны от подушечки, где лежал требник, открытый на словах «поминовение усопших». Все остальные переместились к дверям, где доктор обменивался рукопожатием с упомянутым высоким молодым человеком. Темные локоны вновь пришедшего были непокрыты, одет он был в черную накидку; во всех его движениях сквозила непринужденность, говорящая о хорошем воспитании.

— Он пробудил во мне скорбные воспоминания о том неназванном, кого больше нет с нами, — сказал доктор очаровательной Лилиас, когда вернулся домой, — та же бледность, тонкие черты и следы опасных страстей на лице, а глаза, как у матери, — большие и печальные.

В темноте за спиной молодого человека, похожий на белую ночную птицу, навис пожилой священник с суровым, желтоватым, изборожденным морщинами лицом, в стихаре и белом парике; с воротника его спускались две

белые полосы. Вслед за знакомством с доктором Уолсингемом священник пошептался сначала с мистером Айронзом, а затем с Бобом Мартином, у которого все уже было готово: и две короткие скамейки, установленные поперек придела, и лопата, полная земли. Угловатый священник, устроившись перед скамьей, принялся быстро листать то один, то другой требник, а мистер Айронз оставался рядом, чуть позади него. К молодому человеку (доктор называл его мистер Мервин) направился гробовщик, низкорослый крепыш (от его промокшего платья шел пар, так что, когда он проходил мимо, вокруг свечей и фонарей возникал ореол). Выслушав его, мистер Мервин исчез. Доктор Уолсингем и Джон Трейси опустили на ближайшие сиденья, а Боб Мартин вышел, чтобы помочь тем, кто находился снаружи. Послышались шаркающие шаги, тяжелое дыхание и приглушенные голоса подручных гробовщика, которые, чуть слышно переругиваясь, поддерживали тяжелый гроб. Тяжелее груза не сыщешь — так мне всегда казалось!

Это был большой дубовый саркофаг, крышка его осталась снаружи, на паперти, поскольку мистер Тресселз, узнав, что проход в склеп очень узок, не стал ее привинчивать, на случай, если возникнет необходимость извлечь гроб. Итак, безрадостную ношу опустили на две скамьи, приготовленные Бобом Мартином. Внутренний свинцовый гроб, обитый запылившимся черным бархатом, был явно много старше своего вместилища. Надпись на табличке начиналась с двух рельефных заглавных букв, после каждой стояла точка:

Р. Д.
почил 11 мая А. Д. 1746
38 лет от роду

Над этой гладкой овальной табличкой виднелась какая-то крохотная, не больше шестипенсовика, декоративная деталь. Джону Трейси показалось, что это звезда. Боб

Мартин принял украшение за масонский знак. Мистер Тресселз же, который едва не проглядел заинтересовавшую сотоварищей деталь, высказал догадку, что это всего лишь грошовый херувим. Однако мистер Айронз, клерк, ни минуты не сомневался, что на гробе изображена корона, услышав же другие мнения, предпочел, по своему обычаю, промолчать; холодно сложил он свои тонкие губы в неприятную каменную полуулыбку и предоставил всем прочим и далее пребывать в неведении.

— Прах к праху (тук-тук), перст к персту (тук-тук), тлен к тлену (тук).

А теперь гроб предстояло препроводить вниз, к месту последнего упокоения.

Плиту, закрывавшую вход в склеп, подняли и отложили в сторону. Но сходить в бездну Аверна по крутым выщербленным ступеням, согнувшись в три погибели, оказалось нелегко. Молодой Мервин спустился следом, дабы убедиться, что гроб поместят надлежащим образом. В пробивавшемся снизу свете фигуры носильщиков казались гигантскими и совершенно черными.

Доктор Уолсингем гостеприимно предложил своему собрату по церкви ночлег, но тот предпочел вернуться в город, где его ждали ужин и постель. Мервин поблагодарил и тоже отказался. Час был уже поздний, и он намеревался остановиться на ночь в «Фениксе», назавтра же лично засвидетельствовать доктору Уолсингему свое почтение. И вот страдающий разлитием желчи городской священник забрался в свою карету, а гробовщик и его сотоварищи разместились на похоронных дрогах и в экипаже из траурного кортежа, после чего процессия чинно двинулась по Дублинской дороге. Однако случилось так, что, благополучно миновав заставу, ярдов через сто участники похорон догнали развеселую компанию «Олдерменов Скиннерз Элли»; шествие этих последних сопровождалось песнями и добродушными шутками, которые перемежались ликующими кликами, а то и кукареканьем. Погребальная братия немедленно последовала их примеру и подняла безудержный гам. До самого въезда в город повозки состоя-

зались друг с другом в бешеной скачке, к ужасу всеми забытого священника, который безуспешно пытался докричаться до весельчаков через окошко кареты. Так продолжалось до самого конца пути. Когда разгневанный служитель церкви вышел из экипажа, мистер Тресселз получил изрядный нагоняй. Жизнерадостному гробовщику пришлось скорчить постную мину и высказать глубокое сожаление по поводу происшедшего; крики и буйство он целиком отнес на счет подвыпивших гуляк, которые, по несчастливой случайности, возвращались домой той же дорогой; мерзкие нечестивцы не иначе как намеренно напугали лошадей, чему не приходится удивляться, ибо представителям мирного и почтенного ремесла мистера Тресселза не впервой терпеть поношения от подобного рода шутников. Ему удалось не то чтобы убедить, но по крайней мере сбить с толку сурового пастыря, и тот, пробормотав: «Credat Judaeus»¹, — резко отвернулся и удалился не прощаясь.

Когда доктор Уолсингем и его верный спутник приблизились к родному крыльцу, от которого их отделял только небольшой садик, в старом доме разом смолкли звуки клавинофорда и сопровождавшее их красивое контральто. Доктор улыбнулся в темноте и с удовольствием сказал сам себе (с присутствием старого Джона можно было не считаться): «Мои шаги она всегда услышит, маленькая моя Лили, как бы ни была занята». Парадная дверь растворилась, и негромкий, но полный энергии красивый голос радостно и задорно приветствовал старика.

ГЛАВА III

Мистер Мервин у себя в гостинице

Утро наступило прекрасное, солнце сияло золотом, природа омылась свежестью, деревья, цветы, земля — все благоухало. Подсохший тротуар весело блестел, а с ним

¹ Верует иудей (лат.).

и весь ряд деревенских окон; среди густого плюща, обвивавшего старую церковную башню, оживленно обменивались утренними новостями воробьи; то тут, то там раздавалось пронзительное кукареканье деревенского петуха, бросавшего таким образом вызов соседу; над артиллерийским плацем близ реки разносились нежные звуки рожка.

Начал уже свой обычный утренний обход цирюльник Мур, через дверь булочной сновали многочисленные слуги и служанки, потрепанный красный капор старухи Полл Дилани и белая корзинка ладной маленькой Китти Лейн, девицы со свежим серьезным личиком, уже замелькали на порогах жителей, заказавших к утру свежие яйца. Через приоткрытые парадные двери можно было разглядеть где напудренного лакея, а где веселую служанку в домашнем чепце, поспешавшую в гостиную с красным лаковым чайным прибором. Короче говоря, весь Чейплизод сажился за утреннюю трапезу.

Между тем Мервин позавтракал в одиночестве в знаменитой задней гостиной «Феникса», куда допускались все желающие и где можно было почитать газету. На вид он несколько не походил на отрицательный персонаж — если считать, что нашему повествованию таковой надобен. Лицо Мервина было бледно, меланхолично, величаво, а в больших живых глазах таилась повесть загадочная и, быть может, ужасная. Любой, кому случилось бы узнать об этом молодом человеке побольше, вместе с любезным доктором Уолсингемом развел бы руками, услышав, что Мервин по доброй воле, хотя бы на малый срок, решил остановиться в этом крохотном городишке. Подвигнул его к этому не извращенный каприз, а скорее некие неведомые чары. Вся жизнь Мервина состояла в непрерывном бегстве и погоне — в бесплодных попытках ускользнуть от демона, преследовавшего его, и в стремлении угнаться за химерой.

Мервин стоял у окна, но оставался равнодушен к умиротворяющим картинам и звукам деревенской жизни и разлитым в воздухе ароматам. В это время в гостиную

влетел доктор Тул — суетливый румяный коротышка. Он только что отпустил ехидную шутку по адресу старой толстой буфетчицы и продолжал довольно посмеиваться. «А ты, радость моя, побудь-ка снаружи». Эти слова были обращены к собаке, которая попыталась протиснуться в дверь минуя доктора. Последовал ловкий пинок, и собака пронзительно взвизгнула уже по ту сторону двери.

— Ваш покорный слуга, сэр, — вскричал доктор и отвесил краткий, но глубокий поклон; удивление его было наигранным — именно с целью поглядеть на незнакомца он и явился в заднюю гостиную. — Нет-нет, прошу вас, не обращайтесь на меня внимания. Только что позавтракали? Кофе недурен — в «Фениксе» умеют варить вкусный кофе. Сливки просто отличные, как по-вашему? Им-то я этого не говорю, — доктор подмигнул, — чтобы не перехвалить. Вам ведь подали сливки, надеюсь? — Тул ловким движением повернул молочник к свету и заглянул внутрь. — А о яйцах нечего и говорить — четыре дюжины несушек на птичьем дворе и девять десятков уток в садике у Трешема, по соседству со Стерком. Стоит припустить ливню, ну и гвалт же там поднимается! Стерк все грозит-ся их перестрелять; он хирург в здешнем артиллерийском полку. Том Ларкин этим вечером сказал, что Стерк просто-напросто позавидовал их утиным мозгам — его куриные пожиже будут, ха-ха-ха! Ну и ночка выдалась — век не забуду, сущее царство тьмы, и хлестало к тому же сплошным потоком. Вынужден был выходить по делам — медик, знаете ли, куда денешься? — и едва не попал в переплет. Что хорошенького в газете? А, так вы не смотрели. А знаете ли вы, сэр, что — в такую-то ночь — у нас тут хоронили кого-то из Дублина, — а, каково? Тресселзу с подручными пришлось потрудиться. Один негодник с заставы — это недалеко, за углом, — сплетник, каких мало (а ведь любителей совать нос в чужие дела у нас, поверьте, хватает), — так вот, он сказал, что знает кучера. Боб Мартин, церковный сторож, уверяет, что заупокойную читали ни много ни мало двое священников, — так-то! Все по высшему разряду. Один — священник нашего прихода,

старый доктор Уолсингем, святой человек, без устали творит добро, точнее сказать, вступается подряд за всех мерзавцев в округе, — ха-ха! — ни в какую не дает сбыть их с рук, намерения у него, правда, самые добрые, только что с ленцой он да со странцой. А второй — этот прогнивший ходячий скелет Гиллеспы. И на кой только черт его откопали? Один из тех, кто был в похоронной процессии, сказал Бобу, что это он. Этот Гиллеспы из Донегана, уж я-то его знаю, злой как собака, скажу я вам, и масон — да, да, вольный каменщик — важная птица! Обедал как-то вечером в Великой ложе, — вы, я вижу, не масон, наши знаки вам незнакомы, — а рожа у него была такая скукоженная и желтая — еще немного, и я бы выжал его в пунш вместо лимона, ха-ха-ха!

Поднятием бровей Мервин изобразил вежливое изумление. Доктор Тул с минуту молчал в ожидании ответной реплики, но ее не последовало.

Тогда доктор продолжил свою речь, нимало не смущаясь тем, что во взгляде Мервина появилось нечто злое.

— Пейзажи здесь, сэр, один другого лучше. Художники сюда летом тянутся дюжинами; вытащат альбомы и карандаши и давай марать бумагу, ха-ха-ха! Если вы рисуете, сэр, то возьмите на заметку: есть тут выше по реке одно чудесное местечко с видом на мельницы... Но вы ведь не рисуете?

Ответом ему было молчание.

— А может быть, вы все-таки хоть чуть-чуть балуетесь карандашом, как моя дражайшая супруга? — Внимательный взгляд на одежду незнакомца не обнаружил никаких признаков артистических склонностей, и мистеру Тулу пришло на ум, что молодой человек состоит в штате лорда-наместника. — Если вы направляетесь в Лейкслип, то обратите внимание: здесь у нас на редкость хорошие лошади. — (Шепнем, между прочим, на ухо читателю, что Лейкслип служил в то время летней резиденцией его превосходительству и леди Тауншенд; из старых газет можно узнать, что понедельник был днем, открытым для публи-

ки, а по четвергам обычно устраивались приемы.) Однако и тут мистер Тул вытащил, похоже, пустой номер. — Если вы сегодня не собираетесь уезжать, есть случай развлечься — стрелковые состязания в Палмерзгауне, на ярмарочной лужайке. Будут участвовать семь районов, призы — десять и пять гиней. В час дня. Как вы насчет этого?

Тут в гостиную вошел майор О'Нейл из Королевской ирландской артиллерии, маленький, тщательно одетый человечек с лицом типичного ирландца. Он оказался немногословным, зато весьма приветливо улыбался...

— Ваш покорнейший, джентльмены. А, доктор, как дела? Что нового... о чем пописывает «Фримен»?

Тул пробежал глазами газету и тут же ее скомкал.

— Ничего... ничего особенного... Бал у леди Мойры: маскарадные костюмы — ирландские, ничего привозного; гости без масок, большой съезд дворянства — более пяти сотен приглашенных. Верно, и ваших сослуживцев там было немало, а, майор?

— А как же: лорд Блэкуотер, это уж непременно; кроме того, генерал Чэттесурт, Деврё, маленький Паддок и...

— *Стерка* не было, — с ухмылкой перебил майора Тул, явно не расположенный к своему собрату по медицине. — В среду ночью на чейплизодской дороге двое грабителей напали на какого-то джентльмена, отняли у него часы и кошелек, а заодно шляпу, парик и трость. Ему крепко досталось, и сейчас он лежит в постели в тяжелом состоянии. На одном из разбойников был поношенный светлый кафтан и парик. Черт возьми, майор, будь я на месте генерала Чэттесурта и имей под началом две сотни удалцов, я бы заполучил у правительства полномочия и очистил дорогу. Представьте себе, сэр, после наступления сумерек за чертой города в одиночку лучше не появляться, если хочешь жить. — Возмущению словоохотливого медика не было предела. — Уж я бы выловил этих отпетых мерзавцев всех до одного и спалил живьем в бочках изпод дегтя. Проклятье! Недавно отправили на тот свет старого Джо Наппера с Дерти-Лейн, и хоть бы кто-нибудь

всплакнул. И вот, глядите, опять все сначала... — И Тул продолжал в том же духе.

Тем временем порог гостиной переступили сослуживец майора капитан Клафф (крепкий, с туго перетянутой талией) и мистер Наттер из Мельниц, управляющий лорда Каслмэлларда — невысокий человек со смуглым суровым лицом. Вслед за ними потянулось еще с полдюжины посетителей, главным образом членов клуба, собиравшегося вечерами в левой передней гостиной, напротив буфетной; там они ублажали себя приятной беседой, картами, триктраком, глотком-другим горячительного; случалось здесь также услышать в исполнении доктора Тула, изрядного тенора, «А знать красовалась в шелках, в серебре», «Кокетка взглянула игриво» и другие, подобные этим песенки; поклонник театра, кругленький прапорщик Паддок, даром что «шлегка шепелявил», выступал с вдохновенными имитациями Моссопа, Шеридана, Маклина, Барри и прочих актеров. Чужак в этом приятном обществе, Мервин взял свою треуголку и трость и — как печальная прекрасная тень — выскользнул наружу, сопровождаемый немногими любопытными взглядами; к его уходу остались равнодушными все, кроме Тула, который тут же принялся обсуждать с кем-то шепотом его персону.

В задумчивости Мервин бесцельно проследовал через «парк его величества, именуемый Феникс», вышел в Каслнокские ворота и живописной долиной Лиффи, зажатой меж двух лесистых косогор, поднялся до паромной переправы; на том берегу Мервин очутился близ деревни Палмерзтаун, откуда намеревался повернуть обратно.

ГЛАВА IV

Палмерзтаунская ярмарочная лужайка

На краю лужайки виднелось полдюжины экипажей и десятка два верховых лошадей, у питейного заведения напротив толпилась компания оборванцев; ворота были

распахнуты, артиллерийский оркестр, выстроившийся на лужайке, громоподобной бодрой мелодией будил эхо во всех окрестных закоулках; время от времени бабахала «Смуглянка Бесс» и над изгородью всплывал белый дымок; раздавались ликующие крики зрителей, а изредка и многоголосый раскат хохота, за которым следовал ровный мелодичный гул толпы. Мервин, искавший одиночества, но успевший уже от него устать, счел, что в толпе незнакомых людей он будет неприметен, свернул вправо и оказался на прославленной палмерзтаунской лужайке.

Открывшаяся перед ним картинка сельской жизни представляла собой истинный праздник для глаз. Приблизительно в сотне ярдов от Мервина на зеленом склоне холма четко выделялась круглая мишень с яркими концентрическими кольцами. Участники состязания, принявшие участие в свое лучшее воскресное платье, стояли все вместе на виду; одни из них держали наготове мушкеты, другие — охотничьи ружья (это допускалось); на треугольниках колыхались пучки разноцветных лент, петлицы украшали цветущие веточки. Живописно-беспорядочные группки зрителей образовывали большой многоцветный партер, который был поделен надвое широким изогнутым газоном, — он шел от места, где стояли стрелки, до самой мишени.

В ослепительном свете дня наши предшественники, жившие в прошлом веке, являли собой поистине красочное зрелище. Как радовали взор алые и золотые жилеты, небесная лазурь, серебро, горохово-зеленые струны лютен, розовый шелковый подбив, сверкающие пряжки, изысканные парики, пудренные прически! Как гармонировало все это с блестящими нарядами величавых дам и щедрых на улыбки молоденьких простолюдинок! Эта пестрая картина, дополненная изрядным количеством мундиров, пребывала в неспешном движении, а рожки и барабаны Королевской ирландской артиллерии наполняли воздух зажигательными мелодиями.

Ближайшие соседи присутствовали все до одиноко, и среди них веселый маленький доктор Тул, в самом

пышном из своих париков, при трости с золотым набалдашником. Доктор и на сей раз не изменил своим привычкам и прихватил с собой ни много ни мало трех собак. Впрочем, докторская свита могла включать в себя и пять, а то и семь четвероногих, как то бывало во время его утренних прогулок по городу. В таких случаях тишину то и дело нарушали его оглушительные оклики: «Фея, оставь поросенка в покое, скотина!», «Юнона, брось сейчас же эту гадость!», «Цезарь, паршивец, куда тебя несет?», — а в ответ раздавалось пронзительное взвизгивание ослушника, отведавшего докторской трости.

— Поглядите-ка на этого Стерка, — обратился Тул к прекрасной Магнолии, сопровождая свои слова выразительной гримасой. — Таскается за его светлостью, как хвост за собакой, ха-ха! Вот увидите, оставит он Наттера с носом. Вечно разевает рот на чужой кусок.

Доктор Стерк и лорд Каслмэллард беседовали поодаль на пригорке, причем хирург указывал тростью куда-то вдаль.

— Ставлю пятьдесят шиллингов, он сейчас из кожи лезет, чтобы подловить на чем-нибудь Наттера.

Приходится признать, что в утверждениях Тула таилась, вероятно, немалая доля истины. Тул также чуял нутром, хотя и забыл об этом упомянуть, что Стерк положил глаз на его пациентов и подумывает уйти из армии, чтобы заняться гражданской практикой.

Стерк и Тул заглазно костили друг друга на чем свет стоит. Тул именовал Стерка не иначе как «коновалом», а вдобавок «контрабандистом» (после некой аферы с французским бренди, по поводу которой я затрудняюсь высказать определенное мнение; полагаю лишь, что Стерк ни в чем противозаконном замешан не был). Стерк же использовал выражения «этот пьянчужка-аптекарь» (в задней гостиной у Тула негласно готовил отвары, пилюли и порошки мальчик-подручный), «певчая птишка» и «спившийся собачник Тул». При всем этом нельзя сказать, что они были в ссоре: оба медика встречались, обменивались

новостями, а пакостили друг другу с осторожностью, в умеренных дозах, — в общем, их взаимную ненависть я бы назвал добрососедской.

Тут же находился генерал Чэттесуорт — сияющий толстячок в полной артиллерийской форме. Он улыбался, приветствовал дам, чопорно кланялся, а по спине его двигалась туда-сюда длинная косичка, которая, когда генерал откидывал голову, едва не касалась земли. В устремленном на нее взгляде Юоны Тулу почудилось нечто недоброе, и он счел за лучшее, не дожидаясь дальнейшего развития событий, наградить собаку изрядным пинком.

Сестра генерала, Ребекка, была высока, стройна, одета в роскошный парчовый наряд, обильно украшенный кружевами, и держала в руках красивый веер. В свои пятьдесят пять лет она выглядела удивительно свежо и временами очень мило заливалась легким, самым что ни на есть подлинным румянцем; повелительный взгляд, решительные губы — лицо властное, но при этом на редкость располагающее и приятное. Племянница Ребекки и дочь генерала, Гертруда, также была высока, изящна и, как мне говорили, безупречно красива.

— Черт возьми, ну и красавица! — вырвалось у лейтенанта-фейерверкера О'Флаэрти; будь у него чуть больше ума, он бы удержался от замечания, которое, вероятно, не доставило особого удовольствия очаровательной Магнолии Макнамаре, — именно к ней в последнее время питало слабость страстное, но в известной мере разочарованное лейтенантское сердце.

— Вот уж не сказала бы, — произнесла Мэг, презрительно вскинув голову.

— Говорят, ей нет и двадцати — ни за что не поверю, двадцать ей уже стукнуло, готов спорить на бочонок кларета, — поспешил исправить свою оплошность О'Флаэрти.

— Какие двадцать — двадцать пять, и то не вчера, — фыркнула мисс Мэг, которая с полным правом могла бы отнести эти слова к себе самой. — А кто тот красивый мо-

лодой человек, которого милорд Каслмэллард представляет семейству старого Чэттесуорта?

Похвальный эпитет имел целью задеть беднягу О'Флаэрти.

— Вот как, милорд с ним знаком! — воскликнул доктор, весьма заинтригованный. — Это же мистер Мервин, который остановился в «Фениксе». «Мервин» — так написано на его несессере. Глядите, как она ему улыбается.

— Сияет как начищенный пятак, — презрительно прокомментировала мисс Мэг.

— Чэттесуорты нынче явились во всей красе, при двух ливрейных лакеях, — вставил О'Флаэрти, стараясь попасть в тон своей даме сердца.

— А этот молодец не простая птица, — продолжал Тул, — кому попало мисс улыбаться не станет.

— Прикидывается тихоней, а своего не упустит, сразу видно, — сказала Магнолия с усмешкой на устах и со злостью во взоре.

К ядовитому веселью дочери присоединилась миссис Макнамара, добродушная и недалекая вдова. Смех этой пухлой и без меры нарумяненной дамы походил на пыхтение.

Тот, кто отнесет описанные проявления враждебности на счет обычного женского соперничества, совершит таким образом вопиющую несправедливость по отношению к обеим достойным представительницам древнего клана Макнамара. Ведь в упитанной груди миссис Мак билось по-своему мягкое сердце, да и Магнолия отнюдь не была склонна к ревливой нетерпимости. Просто тетя Ребекка вела себя с миссис и мисс Макнамара вызывающе надменно и с высоты своего величия не всегда их замечала, а заметив, частенько не узнавала — и это притом, что внешность и манеры Магнолии трудно было с чем-либо спутать. К примеру, не далее как сегодня, когда состязания шли полным ходом и выстрел звучал за выстрелом, а кое-кто из дам издавал испуганные возгласы, мисс Магнолия не только не моргнула глазом, более того, она

СОДЕРЖАНИЕ

ПРОЛОГ. Деревенские толки	5
ГЛАВА I. Ночное посещение церкви	18
ГЛАВА II. Безымянный гроб	23
ГЛАВА III. Мистер Мервин у себя в гостинице	26
ГЛАВА IV. Палмерзтаунская ярмарочная лужайка	31
ГЛАВА V. Как офицеры Королевской ирландской артиллерии давали обед в честь своих соседей	42
ГЛАВА VI. Обед с пением продолжается	54
ГЛАВА VII. О том, насколько далеко могут зайти во взаимном непонимании два джентльмена, притом что предмет их разногласий остается для окружающих загадкой	58
ГЛАВА VIII. Как доктор Тул и капитан Деврё совершили лунной ночью вынужденную прогулку	65
ГЛАВА IX. Как для Рыцаря печального образа был найден оруженосец	71
ГЛАВА X. Страшная тайна, или Как фейерверкер убеждал Паддока в том, что Наттер дознался, чем его вернее уязвить	77
ГЛАВА XI. Кое-что о доме с привидениями, а именно бабьи сплетни, как я полагаю	83
ГЛАВА XII. Кое-что необычное о Доме с Черепичной Крышей, а именно истинный рассказ о призрачной руке	89
ГЛАВА XIII. Приходский пастор посещает Дом с Черепичной Крышей, а доктор Тул наблюдает за Медным Замком	97
ГЛАВА XIV. Как Паддок прочищал голову О'Флаэрти (автор надеется, что люди сугубо утонченные пропустят эту главу не читая)	101

ГЛАВА XV. На помощь приходит эскулап	106
ГЛАВА XVI. Суд Божий на поле битвы	112
ГЛАВА XVII. Лейтенант Паддок получает приглашение, а также нагоняй	123
ГЛАВА XVIII. Как джентльмены сидели за кларетом, а доктор Стерк наблюдал	131
ГЛАВА XIX. Джентльмены присоединяются к дамам	139
ГЛАВА XX. Мистер Дейнджерфилд посещает чейплизодскую церковь, а Зикиел Айронз идет на рыбалку	143
ГЛАВА XXI. Как доктор Тул отправился в Дом с Черепичной Крышей, а также о его приятной беседе с мистером Мервином	152
ГЛАВА XXII. О приеме, ждавшем мистера Мервина в Белмонте, и о приятном утреннем пикнике на берегу Лиффи	158
ГЛАВА XXIII. О торжественном обеде в Королевском Доме: кое-что об участниках, об их беседах, мечтах, спорах и вообще о приятном времяпрепровождении	164
ГЛАВА XXIV. Двое молодых людей без слов понимают друг друга лучше, чем когда-либо прежде	170
ГЛАВА XXV. Солнце заходит за горизонт, веселье продолжается в Королевском Доме при свечах, а Лили получает предостережение и не понимает его	175
ГЛАВА XXVI. О том, как под музыку оркестра Королевской ирландской артиллерии слушатели думали каждый о своем	183
ГЛАВА XXVII. Вокруг доктора Стерка сгущаются тревожные тени.	187
ГЛАВА XXVIII. Мистер Айронз делится старыми воспоминаниями о лошади в яблоках и о геральдической лилии	193
ГЛАВА XXIX. Миссис Макнамару одолевают заботы; куча сплетен	198
ГЛАВА XXX. Некая женщина в черном	205
ГЛАВА XXXI. Краткая история великой и многодневной битвы при Белмонте, в ходе которой участники проявили немалую стойкость и мужество, причем верх брала попеременно то одна, то другая сторона	211
ГЛАВА XXXII. Как лейтенант Паддок и капитан Деврѐ сварили чашу пунша, а потом пели песни и беседовали	214

ГЛАВА XXXIII. Скрипка Деврё играет вступление к «За холмы, в далекий край»	218
ГЛАВА XXXIV. Лилиас слышит строфу из старой песни; прощание на берегу	221
ГЛАВА XXXV. Тетя Бекки и доктор Тул, при параде, в сопровождении лакея Доминика заходят в Вязы к мисс Лилиас	227
ГЛАВА XXXVI. Как мисс Лилиас посетила Белмонт и заметила в тени у окна странную треуголку	232
ГЛАВА XXXVII. Одни конфликты в Чейплизодке разгораются все больше, а другие, напротив, завершаются торжественным примирением.	236
ГЛАВА XXXVIII. Сны, тревоги и неясные виды на будущее ...	242
ГЛАВА XXXIX. Как Лилиас Уолсингем застала в Вязах двух дам, которые ожидали ее возвращения	247
ГЛАВА XL. О посланце, явившемся из чейплизодского склепа в Дом с Черепичной Крышей к мистеру Мервину	250
ГЛАВА XLI. Священник возвращается домой, и Лили отвечает на его вопрос, и время незаметно проходит, и в Вязы является тетя Бекки	257
ГЛАВА XLII. Доктор Стерк всячески пытается отсрочить свой близящийся крах	263
ГЛАВА XLIII. Как на доктора Стерка обрушил удар Чарльз Наттер и какую роль сыграл при этом Серебряные Очки	267
ГЛАВА XLIV. Как в ночную пору Стерку явилось видение и очи его отверзлись.	273
ГЛАВА XLV. Небольшая репетиция в квартире капитана Клаффа; доверительная беседа между доктором Стерком и мистером Дейнджерфилдом	277
ГЛАВА XLVI. Сцена в комнате, где имелся ковер, но не было Полония.	282
ГЛАВА XLVII. Бледная Геката посещает Мельницы, а мистер Наттер, эсквайр, велит подать чай	287
ГЛАВА XLVIII. Лебеди на воде	297
ГЛАВА XLIX. Лебеди в воде	302
ГЛАВА L. Как в клубной комнате «Феникса», да и повсюду, поднялся переполох и как из реки выудили шляпу	305

ГЛАВА LI. Как чай, трубка и табакерка Наттера дожидались его в малой гостиной Мельниц и как прошла та ночь в доме у кладбища	312
ГЛАВА LII. О стопке гиней и о пистолетном выстреле	319
ГЛАВА LIII. Каким образом доктору Стерку довелось вернуться домой	323
ГЛАВА LIV. Мисс Магнолия Макнамара и доктор Тул независимо друг от друга совершают поступки, достойные добрых самаритян, а великий доктор Пелл взбирается по лестнице дома у кладбища	328
ГЛАВА LV. Доктор Тул при полном параде греет спину у камелька в клубной комнате и просвещает публику	335
ГЛАВА LVI. Доктор Уолсингем и прочие христиане Чейплизода собираются на звук священного колокола, и в церкви восседает вампир	339
ГЛАВА LVII. Доктор Тул и мистер Лоу наносят визит в Мельницы и обнаруживают там нечто удивительное	343
ГЛАВА LVIII. Одна из заблудших овечек возвращается домой; выдвигаются различные предположения, касающиеся Чарльза Наттера и лейтенанта Паддока	349
ГЛАВА LIX. Как к Вязам подъехала карета и в дом вошли две дамы в бальных нарядах	355
ГЛАВА LX. Фижмы, перья и бриллианты, а также щеголи и скрипачи	362
ГЛАВА LXI. Духи бывшего греха являются на свидание	369
ГЛАВА LXII. О торжественном решении, свидетелями коего стали лары и пенаты капитана Деврё, и о сопровождавшем его возлиянии	374
ГЛАВА LXIII. Вольное обращение с именем мистера Наттера; мистер Дейнджерфилд стоит перед алтарем	379
ГЛАВА LXIV. Действие разворачивается ночью: тетя Ребекка вопрошает мисс Гертруду Чэттесуорт, а та дает ответ	385
ГЛАВА LXV. До обитателей деревни доходит жуткая новость; доктор Уолсингем отправляется на квартиру к капитану Ричарду Деврё	392
ГЛАВА LXVI. О том, как разразилась гроза и затряслись на столике у капитана ложки и чайные чашки и как внезапно стих ветер	397
ГЛАВА LXVII. Блуждания некоего беспокойного духа	403

ГЛАВА LXVIII. О том, как прошел вечер в Вязах; доктор Тул совершает небольшую прогулку; два избранных ума ведут беседу; Геба с нектаром впорхнула в комнату	408
ГЛАВА LXIX. Об еще одном урагане, разразившемся в гостиной капитана Деврё, и о том, как с миссис Айронз приключилось в постели удушье	414
ГЛАВА LXX. Кедровую гостиную Дома с Черепичной Крышей посещает неожиданный визитер; приоткрывается завеса над историей с мистером Боклером и геральдической лилией	420
ГЛАВА LXXI. Мистер Айронз продолжает рассказ и доходит до болота у деревни Мертон	427
ГЛАВА LXXII. Призрак мистера Айронза растворяется в темноте	433
ГЛАВА LXXIII. О некоем джентльмене с черной нашлепкой на глазу, который в обществе известной нам леди нанес несколько визитов в Чейплизоде и окрестностях	439
ГЛАВА LXXIV. Доктор Тул, обув сапоги, посещает мистера Гэмбла и застаёт у него в кабинете весьма уродливого на вид клиента, а в пустой комнате мелькает какая-то тень	444
ГЛАВА LXXV. Как в Медный Замок явился визитер и прочел заметку из старой газеты	450
ГЛАВА LXXVI. О том, как была взята крепость и как госпожа Могги воспряла духом	457
ГЛАВА LXXVII. Все заглушающая ирландская мелодия	465
ГЛАВА LXXVIII. О том, как в передней гостиной у отца Роуча по-прежнему царил гармония, в то время как в другом месте возник некоторый диссонанс, и как наутро прибыл доктор Тул с ошеломляющими новостями	470
ГЛАВА LXXIX. О том, как жизнь маленькой Лили все более сводилась к воспоминаниям и как внезапно Лили почувствовала себя лучше	478
ГЛАВА LXXX. О том, как двое знакомых, оказавшись вместе на кладбище, внезапным и поразительным образом становятся друзьями, а мистер Дейнджерфилд в Медном Замке выкуривает трубку и решает, что пора немому заговорить	482
ГЛАВА LXXXI. Мистер Дейнджерфилд принимает посетителя и наносит визит	491
ГЛАВА LXXXII. Мистер Пол Дейнджерфилд наносит визит вежливости в Белмонт; туда же являются и другие посетители	496

ГЛАВА LXXXIII. Рыцарь серебряных очков сводит знакомство с мудрым Черным Диллоном и совещается с ним в его пристанище	506
ГЛАВА LXXXIV. Христиана отходит, а Дэн Лофтус возвращается домой	512
ГЛАВА LXXXV. Капитан Деврё узнает новость, а мистер Дейнджерфилд встречает после обеда старого приятеля.	518
ГЛАВА LXXXVI. Мистер Пол Дейнджерфилд поднимается по лестнице дома у кладбища и делает некоторые приготовления	527
ГЛАВА LXXXVII. Двое приятелей беседуют тет-а-тет в своей старой квартире, а у доктора Стерка срезают косичку, и начинается консультация	535
ГЛАВА LXXXVIII. Является мистер Мур, цирюльник, и медики запирают дверь	543
ГЛАВА LXXXIX. Некий исполнитель потчует общество горестной балладой, приведшей мистера Айронза в заметное волнение	556
ГЛАВА XC. Мистера Пола Дейнджерфилда угнетают раздумья, а капитану Деврё передают послание	565
ГЛАВА XCI. Кое-какие документы попадают к мистеру Мервину; разгул ведьмовских сил в Мельницах	574
ГЛАВА XCII. Оборотень	582
ГЛАВА XCIII. Доктор Тул и Грязный Дейви ведут переговоры в голубой комнате	594
ГЛАВА XCIV. Все, что вспомнил доктор Стерк, и то, что доктор Тул слышал у мистера Льюка Гэмбла	603
ГЛАВА XCV. Доктор Пелл отказывается от гонорара, а доктор Стерк — от предписанного лекарства	615
ГЛАВА XCVI. О законной миссис Наттер из Мельниц и об известии, которое получил мистер Мервин	623
ГЛАВА XCVII. Является Обадия	637
ГЛАВА XCVIII. Чарльз Арчер морочит жюри присяжных заседателей	645
ГЛАВА XCIX. Рассказ окончен	662
Примечания. <i>Е. Зыкова, Е. Ярцева</i>	669

Ле Фаню Дж. III.

Л 53 Дом у кладбища : роман / Джозеф Шеридан Ле Фаню ; пер. с англ. Л. Бриловой, С. Сухарева. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2017. — 704 с. — (Азбука-классика).

ISBN 978-5-389-13589-5

Джозеф Шеридан Ле Фаню — выдающийся писатель Викторианской эпохи, в которую его нередко именовали «ирландским Уилки Коллинзом» и «ирландским Эдгаром По», создатель знаменитой повести «Кармила» и множества готических рассказов и романов, переживших на рубеже XIX—XX веков временное забвение, а затем повторно завоевавших популярность — уже у новых поколений читателей. Действие романа «Дом у кладбища» (1862, опублик. 1863), который сам Ле Фаню считал вершиной своего творчества, развивается в деревушке Чейплизод неподалеку от Дублина и начинается с находки на местном погосте останков человека, явно умершего насильственной смертью. Загадка его личности и кончины ведет из 1810-х годов в XVIII столетие, где поначалу неспешно, а потом все стремительнее раскручивается запутанная криминальная интрига: давнее убийство, обвинение невиновного, попытки настоящего преступника, переменившего имя, утаить свое прошлое путем ликвидации или подкупа свидетелей... В основную — детективную — канву повествования искусно вплетены несколько любовных линий и эпизод, намекающий на участие сверхъестественных сил, а сокрытие автором истинной подоплеки многих событий и поступков усложняет психологический мир романа и обостряет драматизм его сюжетных коллизий.

УДК 821.111

ББК 84(4Вел)-44

Литературно-художественное издание

ДЖОЗЕФ ШЕРИДАН ЛЕ ФАНЮ
ДОМ У КЛАДБИЩА

Ответственный редактор Сергей Антонов
Художественный редактор Вадим Пожидаев-мл.
Технический редактор Татьяна Тихомирова
Компьютерная верстка Ирины Варламовой
Корректоры Валерий Камендо, Елена Шнитникова
Главный редактор Александр Жикаренцев

Подписано в печать 12.09.2017. Формат издания 75 × 100 ¹/₃₂.
Печать офсетная. Тираж 4000 экз. Усл. печ. л. 31,02. Заказ №

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

16+

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака АЗБУКА®
119334, г. Москва, 5-й Донской проезд, д. 15, стр. 4
Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
в Санкт-Петербурге
191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А
ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»
04073, г. Киев, Московский пр., д. 6 (2-й этаж)
Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1,
комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

A-AKB-21773-01-R

ПО ВОПРОСАМ РАСПРОСТРАНЕНИЯ
ОБРАЩАЙТЕСЬ:

В Москве:

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»

Тел.: (495) 933-76-01,

факс: (495) 933-76-19

e-mail: sales@atticus-group.ru;

info@azbooka-m.ru

В Санкт-Петербурге:

Филиал ООО

«Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»

Тел.: (812) 327-04-55,

факс: (812) 327-01-60

e-mail: trade@azbooka.spb.ru

В Киеве:

ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»

Тел./факс: (044) 490-99-01

e-mail: sale@machaon.kiev.ua

Информация о новинках и планах на сайтах:

www.azbooka.ru,

www.atticus-group.ru

Информация по вопросам приема рукописей

и творческого сотрудничества

размещена по адресу:

www.azbooka.ru/new_authors/